

Такой вот счастливый случай: первая встреча не разрушила образ, душой принятый с экрана. Наоборот. Каким я знал его по многим фильмам, по самым лучшим, человеческим его ролям, — таким он оказался и в жизни. Обаятельным и открытым, со своим глубинным видением происходящего, со своей болью и выстраданной на нелегких перекрестках судьбы правдой. Беседа с ним, варадным артистом СССР Николаем Николаевичем Еремченко, — по-моему, помогает яснее увидеть, понять трагедию нашего искусства, культуры. Тех сфер, которые формируют душу народа, а значит, — его судьбу.

— Николай Николаевич, что больше всего тревожит вас в сегодняшней жизни?

— Почти все. Развал великой державы, крах экономики, обнищание народа, преступность. Словом, итоги действия, которое свершили лидеры перестройки, из застоя приведшие страну в кризис, в радикал-демократы, столкнувшие ее из кризиса в катастрофу. Больше всего тревожит самое жуткое следствие этих действий — людская кровь, льющаяся во многих регионах разрушенного Отечества. Люди, жившие в мире и любви, убивают друг друга. И причины — не только в развале экономики, государства.

— В чем же еще?

— В параличе нравственности, морали, в умирании культуры. Я нормальный человек, у меня широкий круг интересов, всегда хотел знать и видеть как можно больше. Но последнее время не могу смотреть многое из того, что идет по телевидению: пошлость, примитивизм, кликушество, безысходность — психика не выдерживает. Оглянитесь вокруг — почти сплошь проповедь, насаждение нравственного уродства, беспределу нет границ. Для меня однозначно: то, что сегодня видим по телевизору, то, что слышим по радио, смотрим в театре и кино, за очень редким исключением, культивирует определенный образ жизни, определенную психологию. Мутный поток — даже не ширпотреб, а гораздо более ядовитого зелья — загуманивает сознание, калечит души, особенно молодые, хрупкие, с неустойчивой психикой. Губя молодых, мы губим будущее.

— Как вы думаете, что в основе этого геростратовского разрушения — случайность, тупость, некомпетентность или, как считают многие, злой умысел?

— Я не так молод и не настолько наивен, чтобы допустить случайность такого глобального разрушения. Пытаясь осмыслить случившееся, в поисках причинности последнее время читаю много разных источников. И вот на глаза попался любопытный документ. Откровения политиков Западной Европы и США, опубликованные газетой «Аль-Кодс» и перепечатанные в некоторых наших изданиях. Есть там и размышления Даллеса о реализации американской послевоенной доктрины против СССР. Вот они. Хотел бы привести главную выдержку, да боюсь — великовата.

— Ничего, давайте.

«Посев там (в Советском Союзе, значит) хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников и помощников в самой России.

Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства мы, например, постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием, что ли, тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино — все будут изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху...»

Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель... Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого... Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и

наркомания, животный страх друг перед другом и беззащитность, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, — все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом.

И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратив в посмешище; найдем способ их обогатить и объявить отбросами общества...»

Вот что намечал шеф амери-

го фронта, главный демократ, поборник возрождения, кстати, кандидат искусствоведения Зенон Позняк, выступая на митинге у палатки, в которой в то время голодал представитель шахтеров из Солигорска, как мне стало известно, сказал: «Вот вы, шахтеры, голодаете, на вас внимания не обращают, а спадар (господин, значит) Еремченко вышел на трибуну Верховного Совета, Шушкевич с Кебичем перемогнулись и — творческим союзом отменили все налоги. Возмutila меня явная ложь. Отменили только один налог — на прибыль. И только с предприя-

расчете на то, что между ними начнется грызня, вражда разобьит их. Случилось иначе. В антифашистской подпольной организации лагеря объединились люди самых разных национальностей — русские, украинцы, осетины, грузины, армяне, казахи, белорусы, евреи... Вот эти и были для меня уроки интернационального братства. Мы храним это братство по сей день. Но посмотрите, что происходит сегодня. Армию разделили по национальным регионам, по независимым государствам. Идет дележ вооружений, и не только. Жизнь многих военных стала

нано. Ход событий требовал назвать конкретных виновников преступной практики в ходе реализации программы социалистического строительства в Советском Союзе. С моей точки зрения, программы гуманной, животворной, но не реализованной.

Я не историк, да и не политик, но я прошел большую и суровую школу жизни. Доводилось стоять и у смертной черты. Спасали люди. Но ведь люди и привели к этой черте. Давно понял: люди бывают разные. Но до сей поры не могу смириться с мыслью о неизбежности предательства. Генерал Деникин как-то признался: «Проклятье предательства не дает счастья». И не важно, кто предает — генсек, президент или «маленький» сослуживец, пытающийся выжить в новых обстоятельствах. Многие опустили до конформизма, до уровня животного инстинкта самосохранения. Человек может заблуждаться, разочаровываться и даже отречься. Если это истинно, если отречение по убежденности, это можно понять. Но так случается редко и, как правило, в трагическом одиночестве. Отречение же на аплодисменты, с выходом на «авансцену истории» — это политический театр, причем низкопробный, недостойный человека.

— Сегодня авансцена в этом театре заполнена до отказа...

— Увы! Вспоминаю в лики «прозревших» лидеров и думаю, могли ли они с такими ликами построить что-либо с человеческим лицом? В 1944 году в Аугсбурге за неделю до прихода туда американских войск гестапо расстреляло моих товарищей, среди них был мой друг Дмитрий Вивтюк, с которым мы бежали из Штутгарта и который создал в Аугсбурге антифашистскую подпольную организацию. Они были коммунистами. Дмитрий не раз спасал мне жизнь, он был мне братом и отцом. Я поклялся после их гибели, что буду коммунистом. В партию шел трудно, долго не принимали (был в плену). Коммунистом стал в 1964 году.

— Вы как-то сказали, что были горбачевцем.

— Да, я верил в Горбачева. Мне довелось дважды встречаться с ним, тогда эти встречи рождали надежду, что подделашь, нельзя жить без веры. Но доверчивость часто и губит людей, правда, осознаешь это поздно, когда беда уже на пороге. Моих товарищей в Аугсбурге предал свой.

— Вас мучит совесть? Вы чувствуете себя виноватым?

— Да, я чувствую себя виноватым. За то, что вовремя не взглядели мы все предатели. За то, что мы позволили судить нашу оболганную веру. Не объяснив людям, что происходит очередной обман и подмена. Расчетливая, запланированная подмена. Ведь судить надо тех, кто извратил социалистическую идею. Конкретных людей, совершавших преступления, тех, кто предал партию. А что получается? Они все хорошие. Они говорят, что не их надо судить, а меня. За что? Они подставляют партию, чтобы спастись самим. Повторяю — это подмена. Преступны конкретные лица, конкретные руководители.

Меня мучит совесть и потому, что, видя это, мы, вчерашние трибуны, инженеры человеческих душ, молчим, стыдливо пряча глаза. Сейчас, когда часть народа потеряла ориентиры, молчание наше — грех смертный. Конечно, народ и без нас разберется, что к чему, куда мы помогли ему зайти и как выйти оттуда. Он все осознает, поймет и выйдет. Но если ему это будет стоить большой крови, то все это — на нашей совести, мастера культуры.

— Вы слишком строго судите себя.

— Нет.

— Николай Николаевич, советские люди знают вас по десяткам картин. Какая роль вам дороже всего?

— Алексей Павлов в фильме Сергея Герасимова «Люди и звери». Наша действительность во многих пробудила зверя, и долг людей сделать все, чтобы прервать кровавый след этого беспредела.

— Что бы вы пожелали читателям «Правды»?

— Оптимизма и веры. Идет глубокое переосмысление прожитого и содеянного. Переоценка. Родается новая программа социалистического возрождения. Верю, что она будет поддержана вами. А своим фронтовым друзьям, живым и мертвым, говорю: «Я, Николай Еремченко, остаюсь коммунистом».

Беседу вел Олег СТЕПАНЕНКО. г. Минск. Фото Виктора Жилина.

Николай ЕРЕМЕНКО:

Культура, отданная на закланье

канской разведки еще в 1945 году. Думаю, комментарии излишни?

— Конечно. Сегодня все больше подобных документов становится достоянием гласности. И для людей уже не секрет, что существуют силы, которые программируют для нас разложение и развал.

— Причем так, чтобы все происходило «ловко и незаметно» и чтобы догадывались и понимали то, что происходит, лишь немногие. Даже сегодня, когда развал уже принял катастрофические размеры, многие не понимают, что в основе его — разрушительные идеи, подброшенные извне.

— Какие?

— Та же идея свободного рынка. Он почти уничтожил к тридцатым годам все развитые капиталистические страны. И только благодаря борьбе против рыночного хаоса, переходу на плановое регулирование Запад избежал полной гибели. А теперь «добродеи», толкнувшие нас в рынок, посматривают со стороны, как он корежит нас, губит культуру. Они уже ни при чем. Мы как бы сами воссоздали у себя палача, в свое время хорошо поработавшего на Западе. Любопытно то, что Запад свою культуру оградил от этого палача. Там все наиболее талантливое, ценное в культуре и искусстве материально поддерживается государством.

— Насколько я знаю, вы активно отстаиваете эту идею?

— Да, у нас создана конфедерация творческих союзов и фондов культуры республики. Я избран президентом. В рамках конфедерации сформирован комитет защиты и спасения культуры. От его имени я с трибуны Верховного Совета республики обратился к депутатам за помощью и поддержкой. Сегодня есть две структуры, которые могут и обязаны в это разрушительное время удержать культуру на плаву. Это государственная структура, существующая под эгидой министерства культуры, через которую финансируются из госбюджета библиотеки, музеи, театры и т. д. И общественная структура, объединяющая творческие союзы и фонды. Кстати, здесь сосредоточены все лучшие профессиональные силы деятелей искусства, здесь как-то решаются их социальные проблемы, проблемы профессиональные. Все творческие союзы — организации хозяйственные, не получающие из госбюджета ни рубля. Деньги, которые они сами зарабатывают, тратятся на уставную деятельность, стало быть, на культуру. До конца 1991 года союзы были освобождены от уплаты налогов. Ведь в свое время даже во время войны налоги не взимались. Но вот, вступив на путь капитализации и рынка, власти лишили творческие союзы льготного налогообложения, поставив их на грань гибели. Возникает вопрос: а как же с духовным и национальным возрождением, о котором на каждом перекрестке говорят демократы?

— Это один из главных лозунгов — возрождение культуры.

— Вот именно — лозунгов. А на деле? Вскоре после моего выступления в Верховном Совете глава Белорусского народно-

го фронта, главный демократ, поборник возрождения, кстати, кандидат искусствоведения Зенон Позняк, выступая на митинге у палатки, в которой в то время голодал представитель шахтеров из Солигорска, как мне стало известно, сказал: «Вот вы, шахтеры, голодаете, на вас внимания не обращают, а спадар (господин, значит) Еремченко вышел на трибуну Верховного Совета, Шушкевич с Кебичем перемогнулись и — творческим союзом отменили все налоги. Возмutila меня явная ложь. Отменили только один налог — на прибыль. И только с предприя-

тий, которые являются собственностью творческих союзов, а у нас из десяти союзов всего четыре имеют собственность и какую-то прибыль от нее. Но еще больше возмутило другое: борец за возрождение культуры, за демократию пытается посеять вражду между рабочими и творческой интеллигенцией, забывая, что культура сегодня переживает униженный период в своей истории, она поставлена на колени.

— Выступая в Верховном Совете, вы приводили горькие факты.

— Да. Я рассказал эпизод, который перевернул мне душу. Как-то в начале лета зашел ко мне в театральном союзе Здислав Францевич Стомма, пенсионер, известный мастер белорусской сцены, народный артист СССР, сел на стул и заплакал: «Коля, не на что жить». Вскоре мы проводили его в последний путь. Невыносимо трудно живется сегодня многим.

А ведь Беларусь первой в свое время в Союзе приняла закон о культуре. Там записано — три процента бюджета республики должно идти на культуру. В этом году выделено 1,4 процента. Мы понимаем — нет денег. Так зачем же бить по рукам тех, кто сам пытается добыть эти деньги, чтобы помочь себе и своим коллегам — деятелям искусства?

— Во многих регионах резко обострились межнациональные отношения. Подняли голову национал-экстремисты, национал-сепаратисты. Что вы думаете об этом?

— Я более сорока лет работаю на национальной белорусской сцене. Пятнадцать лет руководил театральным обществом и театральным союзом, много снимался в кино, думаю, кое-что успел сделать. И понять. Я за национальное возрождение, суверенитет, независимость. Я люблю белорусскую землю, белорусский народ. Но я решительный противник национал-сепаратизма, а в вопросах возрождения — национал-экстремизма. Я против губительной самоизоляции, ведущей к враждебности, в духовный тупик. Я против национализма, если так можно сказать, на генетическом уровне.

— Как это понимать?

— Я иногда в шутку говорю: «Я плод интернациональных усилий». Дед у меня по матери — белорус с Витебщины, Иван Волотов. Волат по-белорусски — силач, богатырь. Бабка польских кровей. Другой дед по отцу украинец Еремченко, бабка русская, сибирячка коренная. Как видите, я геном обречен быть интернационалистом. Мне некуда деться, потому что все это во мне — в психологии, во всем характере моего существования. Поэтому я глубоко драматично переживаю сам факт развала Союза. Ведь удар нанесен не только по экономике, культуре, самый губительный удар — по человеческим связям, многовековым связям.

— Николай Николаевич, насколько я знаю, первый урок интернационального воспитания вы получили намного раньше, в фашистских лагерях.

— Первый и самый сильный. На всю жизнь. В лагерь в Штутгарте немцы согнали военнопленных разных национальностей в

мукой. Многие на пределе. Так и этого мало, теперь уже в национальных армиях людей делат на своих и чужих, на «наших» и «не наших», на тех, кому можно верить, и кому нельзя. Эта затея национал-сепаратистов может обернуться большой кровью. Люди вооружены. Кто ответит за то, что они не выдержат?

И полное безумие — попытка посеять вражду между славянами. Я понимаю, прошлое оставило нам немало больших и малых проблем, от них не отмахнешься. Но судьбой нам предназначено быть вместе. В этом и только в этом наш общий путь к спасению. История — тому свидетель.

— Националисты извращают и трактуют ее на свой лад. Даже у нас, в Беларуси, они пытаются культивировать русофобию. Между прочим, ссылаются и на театральное искусство: мол, при Советской власти, из-за «русификации» не дали возможности развиваться национальному театру.

— Ошибки и извращения в национальной политике, конечно, были. Но нельзя забывать, что две национальные академии — театры имени Янки Купалы и Якуба Коласа родились при Советской власти. Их рождению и становлению вместе с белорусскими деятелями культуры во многом способствовал и российский театр. Группа талантливых белорусских молодежи в 20-е годы была направлена на учебу в Москву, в студию, где преподавателями были артисты и режиссеры МХАТ. Так родился Театр имени Якуба Коласа в Витебске. Я уже не говорю о большом, плодотворном влиянии на развитие белорусского театра русской классики. Скольким блестящим спектаклям родилось на этой благодатной основе! И забывать такое, пытаться прервать наши многовековые братские узы, — безнравственно.

— Не по этим ли причинам решил сложить свои полномочия в белорусском парламенте космонавт Владимир Коваленко?

— Насколько понимаю, именно по этим. Он очень благожелательно относился к идее народного фронта, поддерживал его лидеров в Верховном Совете, но, разобравшись в их национал-сепаратистских устремлениях и прогнозируя, к чему они приведут, сказал с трибуны: «Это будет настоящий фашизм». На одной из встреч деятелей культуры в Москве кто-то заметил: «Ужасно, когда большой художник становится маленьким политиком». Когда я слышу выступления некоторых лидеров Белорусского народного фронта, подвизавшихся на ниве культуры, думаю: «Еще ужаснее, когда маленький художник пытается делать большую политику».

— В мае прошлого года вы приостановили членство в Компартии Белоруссии. Чем это было вызвано?

— Мне стало ясно, что Горбачев и его единомышленники в ЦК КПСС, фактически отказываясь от немедленного радикального реформирования партии, ее очищения от многих пороков и злоупотреблений, ведут дело к ее ликвидации. А некоторые лидеры Компартии Белоруссии пассивно идут на поводу у них. Сегодня уже ясно, что партию разрушали сверху вполне осоз-